

УДК 821.351

ДАГЕСТАНСКИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ: ОТ СИНКРЕТИЗМА К РЕАЛИЗМУ НОВОГО ВРЕМЕНИ

С. Х. Ахмедов

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье проанализирован путь дагестанских литератур от средневековых форм синкретизма к гуманистической в своей основе литературе Нового времени. В этом процессе значительную роль сыграли русская литература и русскоязычные художественно-этнографические очерки дагестанских авторов.

In article the way of the Daghestan literatures from medieval forms of syncretism to humanistic literature of the Modern times is analyzed. In this process the significant role was played by the Russian literature and Russian-speaking fictional ethnographic sketches by the Daghestan authors.

Ключевые слова: литература; синкретизм; реализм; Средневековье; Новое время; художественно-этнографические очерки.

Keywords: literature; syncretism; realism; Middle Ages; Modern times; fictional ethnographic sketches.

Литературы народов Дагестана возникли в средние века как синкретические. Они создавались вначале на арабском, реже на персидском и тюркском языках. Лишь постепенно национальные литературы переходили на местные языки. Но и в этом случае они сохраняли типично средневековый характер. «Прежде всего, это синкретизм, в силу которого в Средневековье отдельные виды духовной деятельности человека не расчленяются, но воспринимаются как единое знание, восходящее, в конечном итоге, к высшей, священной мудрости. На раннем этапе она (средневековая литература. – С.А.) связывалась с язычеством и мифологией (в первую очередь, в «варварских» странах – Германии, Исландии, Ирландии), на более позднем – с христианством. Соответственно религиозное, эстетическое, художественное, историческое, природное и научное слиты в единое целое как в сознании человека, так и в словесности» [1].

Как указывают такие авторитетные теоретики и исследователи литератур средневековья, как Н.И. Конрад, И.Ю. Крачковский, Д.С. Лихачев, И.С. Брагинский, А.Я. Гуревич, Б.Л. Рифтин, Р.Ф. Юсуфов и др., понятие «литература» в средневековую эпоху имело другое, более расширенное значение, чем сейчас. Р.Ф. Юсуфов писал: «Объем понятия литературы изменчив, подвижен, историчен. Поначалу литература была синкретичной, но по мере того, как шел процесс ее становления, она все более расходилась с фольклором, деловой письменностью, природоведением, религией, историографией, культурологией, правоведением, социологией, психологией, философией и этикой и уже в Новое время, становясь все более художественной литературой, включала в себя эти проявления «духосферы» (П. Флоренский) в новом измерении» [2].

В состав средневековой литературы народов Дагестана входили богословские трактаты, исторические хроники («Дербенд-наме», «Тарихи Дагестан», «История Абу Муслима» и др.), наставления, поучения, эпиграфика, эпистолы, мемуары, учебная литература, стихи, переводы и т.д.

Дагестанская литература в целом оставалась синкретической до второй половины XIX в. Даже в книге Гасана Алкадари «Асари Дагестан» (1890) органично сочетаются сведения об истории Дагестана, его ученых с «басмалой» (фраза, с которой начинается каждая сура Корана), стихами, короткими рассказами, метафорами. Аналогично сочинение «Рассказы по истории» Али Каяева. В его состав входят мусульманские мифы, сведения по истории Дагестана, историческая песня «Курахская крепость» о взятии царскими войсками крепости Курах в 1812 г., описания различного рода обычаев старины лаков.

Средневекового типа литературы народов Дагестана были пронизаны религиозными идеями, ориентированы на пропаганду исламских ценностей. Эти литературы, где художественное начало причудливо переплетено с деловым письмом, создавались на протяжении веков.

Для того чтобы эти синкретические по своей природе литературы обрели черты гуманистической литературы нового времени, нужны были сдвиги исторического масштаба. Такие сдвиги в Дагестане произошли в XIX в., когда Дагестан был присоединен к России, было положено начало постепенной переориентации дагестанской литературы с арабского Востока на Запад.

Как утверждает Б.Л. Рифтин, при переходе к литературе Нового времени в литературной системе средневекового типа происходит резкий сдвиг. «...То, что находилось на ее периферии (например: повествовательная проза, драма и т.д.), перемещается в центр, а функциональные жанры отходят, наоборот, на периферию, или оказываются вообще за пределами системы литературы» [3].

Начиная с середины XIX в. классики дагестанской литературы (Омарла Батырай, Йырчи Казак, Етим Эмин, Махмуд из Кахабросо, Патимат Кумухская) обратились к проблемам сугубо земным, человеческим. Они стали поэтами Нового времени.

После присоединения Дагестана к России под влиянием русской классической литературы возникла русскоязычная литература, которая, по мнению Р.Ф. Юсуфова, сыграла роль катализатора в происходившем «синтезе национальных традиций и нового социального мировоззрения» [4].

Русская литература усилила интерес народов Дагестана и Северного Кавказа к социальным вопросам, к философии, отрицающей средневековую схоластику и религиозный обскурантизм.

Такие деятели дагестанской культуры, как Д.-М. Шихалиев, С. Адиль-Герей, А. Чиркеевский, А. Омаров, М. Хандиев, Г.-М. Амиров, К. Казанфаров, И. Анисимов и др., воспитанные на передовых традициях русской культуры, сыграли значительную роль в приобретении своих народов к ценностям европейской науки и искусства.

Переход от коранических представлений о мире и человеке к критическому осмыслению проблем бытия, от средневекового синкретизма к новым формам художественной литературы, от идеализации воинов ислама к реалистическому изображению человека, к постижению социальной его сущности был явлением неодномоментным, он потребовал значительных усилий, ряда восходящих ступеней в познании человека и мира. Как пишет В.Е. Хализев, «в новое же время литература эмансипируется в качестве явления собственно художественного; письменность становится доминирующей формой словесного искусства; активизируется индивидуальное авторство; литературное развитие обретает гораздо больший динамизм» [5].

Одной из прогрессивных форм самопознания горцев являлись художественно-этнографические очерки, написанные на русском языке. Среди них «Рассказ кумыка о кумыках» Д.-М. Шихалиева, «Рассказ аварца» С. Адиль-Герей, «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки» А. Омарова, «Среди горцев Северного Кавказа» Г.-М. Амирова и др.

Очерки дагестанских просветителей, как и их северокавказских собратьев (С. Хан-Гирей, Ч. Ахриева, А.-Г. Кешева и др.), обладают ярко выраженным художественным началом. Это своего рода «физиологические очерки», или очерки нравов, посвященные жизни и быту горцев. В них жизнь горцев показана «изнутри». Впервые в дагестанской литературе достигнута конкретность и точность в описаниях быта и нравов эпохи, созданы колоритные жанровые картины, предприняты попытки наметить индивидуальные характеры и судьбы героев.

Если сопоставить очерки Абдуллы Омарова «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки» с хроникой Мухаммеда Тахира ал-Карахи «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах», мы увидим существенную разницу между ними, хотя оба автора делятся своими воспоминаниями об одном и том же периоде истории Дагестана. Мухаммед Тахир повествует о событиях значительных, затрагивающих судьбу целых народов, его мало интересуют этнографические подробности и внутренний мир простого человека.

Абдулла Омарова, напротив, интересуют детали жизни народа, он живописно описывает бытовые сценки, обычные разговоры горцев, их представления об окружающем мире. Он сосредоточивает свое внимание на переживаниях муталима, его судьбе. Словом, это следующая ступень к овладению художественной формой по сравнению с «Блеском дагестанских шашек...». К примеру, Абдулла Омаров с поразительной искренностью описывает душевное состояние неподдельного страха, когда услышал о том, что его учитель Мама арестован по приказу хана:

«Холодная дрожь пробежала по моему телу, сердце забилося, и страх завладел мной до такой степени, что сам не знаю, как я устоял на ногах в ту минуту. Заметив мое волнение и мгновенно побледневшее лицо мое, муталим начал утешать меня, говоря, что с Мамою, по всей вероятности, ничего худого не будет; он думал, что я испугался за участь своего учителя. Но я-то думал совсем иное» [6].

Автор-рассказчик не стремится изображать себя в качестве рыцаря без страха и упрека. И его признание, что он думал не то же, что его товарищ, свидетельствует о его искренности и таланте художника, ибо именно искренность автора привлекает внимание к его сочинению больше всего.

Психологически точно описание тревожной ночи после ареста. Автор-повествователь вспоминает разные случаи проявления жестокости хана по отношению к своим жертвам, и эти вставные миниатюры уместны именно здесь.

На «Воспоминания муталима» А. Омарова обратил внимание Л.Н. Толстой в период работы над повестью «Хаджи-Мурат», отдельные описания из очерка он даже контаминировал в ее первых вариантах. В окончательном варианте все это ушло в глубь художественной ткани произведения. Таким образом, сочинение дагестанского автора стало одним из источников создания повести великого писателя [7].

Из других художественно-этнографических очерков ближе всех к собственно художественной прозе подошел очерк Гаджи-Мурада Амирова (М. Амирова) «Среди горцев Северного Дагестана», написанный в форме дневника гимназиста, приехавшего в аул на летние каникулы [8].

В конкретных исторических условиях второй половины XIX в. художественно-этнографические очерки выступали в качестве художественного аналога реальной действительности, вместе с тем они представляли собой первый шаг к реалистическому воспроизведению действительности. От них шли преемственные связи к собственно художественной прозе Дагестана на русском языке, представленной до революции творчеством С.И. Габиева.

Художественной прозе С.И. Габиева присуща характерная для русской классической литературы социальная направленность. Высокой идейностью и социальным оптимизмом выделяются его аллегория «Безумец» и незавершенная повесть «В народ», написанные на русском языке. Сюжет и стиль «Безумца», этого романтического стихотворения в прозе, перекликаются с сюжетом и стилем ранних горьковских рассказов «Старуха Изергиль» и «Песня о Соколе» М. Горького, а образ главного героя напоминает образы Данко и Сокола.

В повести «В народ» мы находим, с одной стороны, упоминание о баррикадных боях, в которых главный герой принимал участие, горячую защиту Джейраном революционных выступлений рабочих и студентов; с другой – осязаемые влияния самых разных идей (М. Горького и Л. Толстого, народнической теории героев и толпы). Тем не менее в повести С. Габиева намечена линия дагестанской литературы, ведущая к реализму нового типа, в ней представлен герой-революционер, сознательный борец за переделку мира и человеческих отношений.

В эпоху подготовки и проведения буржуазно-демократических революций в России социальные вопросы выдвигаются в центр литературы. Меняется и идеал личности. На историческую арену выступает революционер, вдохновленный идеями возрождения края, социального переустройства мира. Одновременно появляется возможность для создания новой реалистической прозы на родных языках. Это вовсе не значит, что средневековая литература в тот период утратила свое значение и уступила свое место литературе Нового времени. В начале XX в. она шла параллельно с новой литературой. Лишь в годы советской власти она была дискредитирована и отброшена на периферию, точнее – за пределы официально признаваемой литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПЖ «Интелвак», 2001. Стлб. 1025.
2. Юсуфов Р.Ф. Историография и литературный процесс: средние века и Новое время. М.: Наука, 1996. С. 14.
3. Рифтин Б.Л. Типология и взаимосвязи средневековых литератур // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, 1974. С. 13.
4. Юсуфов Р.Ф. Общность литературного развития народов СССР в дооктябрьский период. М., 1985. С. 134.
5. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2005. С. 369.
6. Абдулла Омаров. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 15.
7. Лев Толстой и Кавказ в контексте диалога культур и времен. Махачкала, 2008. С. 32–34.
8. Ахмедов С.Х. Художественная проза народов Дагестана: История и современность. Махачкала, 1996. С. 61.

Поступила в редакцию 12.02.2015 г.
Принята к печати 28.09.2015 г.